

18+

ЭШТОН ФОКС

Астролог

Tetrabiblos

ЭШТОН ФОКС
Астролог. Tetrabiblos

«Издательские решения»

Фокс Э.

Астролог. Tetrabiblos / Э. Фокс — «Издательские решения»,

Начинающий астролог Филипп Туров бросает семью, поверив прогнозу: если он останется — жена и сын погибнут. В поисках истины он едет в закрытый город к гению астрологии. Он хочет найти ответ на вопрос: «Верен его прогноз или он ошибся?» — но попадает в следственный изолятор. Следователь убеждает: тот, кого он ищет, не существует. И предлагает вернуться домой. Филипп не может согласиться: пути назад больше нет.

© Фокс Э.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Симпозиум	6
Глава 2. Дорога	13
Глава 3. Допрос	22
Глава 4. Митяй	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Астролог Tetrabiblos

Эштон Фокс

© Эштон Фокс, 2026

ISBN 978-5-0069-9307-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книги из цикла Tetrabiblos :

- «Астролог».
- «Переменная Икс».
- «Свободная воля».
- «Код судьбы».

Внимание: Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит образные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным, и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью.

Все события, названия, имена и фамилии в книге вымышлены, совпадения случайны. Книга не основана на реальных событиях, не имеет отношения к реальным людям, не ставит целью кого-либо оскорбить или унижить. Автор поддерживает всё хорошее и осуждает всё плохое.

Для создания обложки автор пользовался нейросетью «Шедеврум» с платной подпиской «Шедеврум Про», которая, согласно Условиям пользования, позволяет использовать результат генерации в коммерческих целях без согласия компании «Яндекс».

Глава 1. Симпозиум

Стоя на крыльце Дворца культуры, я смотрел, как майский ливень хлещет по гранитным ступеням. Вода стекала мутными ручьями прямо в сточные решётки, унося с собой окурки, фантики и прочий мусор. Где-то в городе, за пеленой дождя, гудели троллейбусы, сигналили машины, люди спешили по своим делам — а здесь, под козырьком ДК, время словно застыло.

Отовсюду к Дворцу культуры спешили люди. Кто-то шёл пешком, укрываясь от ливня под зонтиком, кто-то приезжал на автомобиле, выскакивал, закрывая голову папкой или портфелем, и бежал под козырёк, стараясь не вымокнуть. Петербуржцы и гости города проходили мимо, скользили взглядами по моему лицу, по промокшей насквозь бежевой куртке — и не замечали. Для них я был никем. Просто ещё один промокший незнакомец, переживающий ливень под козырьком крыльца.

Левой рукой в кармане куртки я нащупал смятую тетрадь. Шестьдесят восемь страниц, исписанных мелким, почти бисерным почерком. Моё открытие. Моя личная астрологическая парадигма. Итог последнего года жизни, шесть месяцев которого я провёл в прокуренном гараже, потому что не мог больше оставаться дома. Я покупал книги на последние деньги, одалживал на время у знакомых, перерисовывал таблицы в библиотеках, когда не было денег на ксерокс. Знания, которые мне удавалось почерпнуть, я многократно переосмысливал, записывая выводы в свою тетрадь. Я формировал свою методику прогнозирования. В какой-то момент я поверил, что действительно могу предсказывать будущее. Именно эта вера заставила меня уйти из дома, оставив на столе клочок бумаги с прощальными словами. Но в последние недели меня преследовала навязчивая мысль, что это была...

Ошибка. Моё открытие целиком и полностью могло оказаться ошибкой. И если я был готов спорить до хрипоты с каждым, доказывая, что прав, то в глубине души я надеялся, что ошибся. И сюда, в этот Дворец культуры, я пришёл, чтобы найти ответ на один-единственный вопрос: ошибся я или нет?

Мутное свинцовое небо низко висело над крышами, давило на город, как тяжёлая крышка. Я поднял взгляд, выглянул из-под козырька. Где-то там, за тучами, прятались звёзды, которые якобы всё знали про меня заранее. Не только про меня, но и про нас: про Марию и про Аркашку.

Ещё не стёрся из моей памяти тот винт, который крутанул Аркашка на соревнованиях по прыжкам с вышки. Крутанул винт, вошёл в воду без брызг и вынырнул. Первое место. Золотая медаль. Награждение. Гордость за сына для родителей. Надежда, что это поможет сохранить ему жизнь в будущем, для меня. Маша тогда плакала от счастья, обнимала Аркашку, а я стоял в стороне и смотрел на них. Я уже знал, что скоро уйду. И эта медаль — всё, что у них останется. Хороший отец, который научил сына плавать и исчез.

Надоедливый питерский дождь остался снаружи, едва я открыл дверь и вошёл внутрь. Тяжёлая дверь захлопнулась за спиной с глухим стуком, отсекая шум ливня. Здесь, в широком фойе, пахло сыростью, дешёвым линолеумом и чем-то неуловимо фальшивым — как пахнут все места, где люди пытаются казаться умнее, чем они есть. Где-то в глубине коридора, на приоткрытой двери которого висела табличка «Для служебного пользования», тихо бурчало радио: «...сегодня в Санкт-Петербурге ожидается тёплая ясная погода без осадков. Воздух прогреется до...»

Нарядные дамы в цветастых шالях и в ярких шляпках с перьями горячо спорили прямо посреди фойе. Они уже сдали плащи и обсуждали ретроградный Меркурий так яростно, будто речь шла о жизни и смерти. Сдав куртку в гардероб, я пристроился к ним, кивая с умным видом, когда они направились в сторону зала, и попытался проскользнуть мимо охранника, который был занят чтением газеты.

И только я поравнялся с ним, охранник оторвался от чтения и уставился на меня:

— Куда это вы, сударь, направляетесь? Билет есть?

— Мне нужно только послушать, — попросил я.

— Всем только послушать, молодой человек. А вот без билета никак нельзя. Приказ руководства. Купите в кассе билет и проходите. А без билета пропустить не могу...

Я отошёл к стене, раздумывая, что делать. Денег на билет у меня не было. Я уже собрался плюнуть на всё и уйти, когда кто-то дёрнул меня за рукав.

— Идёмте за мной, — шепнула мне какая-то девушка.

Она взяла меня за руку и повела в служебный коридор. Мы несколько раз свернули, прошли через какие-то двери и вдруг оказались прямо за кулисами. Только здесь я разглядел её как следует: лет не больше двадцати, длинные русые волосы, на руке — тонкая серебряная фенечка.

— Выступать, надеюсь, не собираетесь?

— Нет. Зачем выступать? Просто хочу послушать, что умные люди скажут.

— Отлично! — облегчённо вздохнула она. — Стойте здесь, сбоку. Сцена, как на ладони. Всё слышно.

Она улыбнулась и исчезла в тени кулис, а я остался у края сцены, за занавесом. Мне отлично был виден весь зал. Зрители в креслах вяло зааплодировали, когда на сцену взошёл мужчина. Представился доктором астрологических наук, профессором Всеволодом Ивановичем Заряновым. Альый пиджак, седые патлы до плеч, голос профессионально поставлен — такие обычно впаривают доверчивым домохозяйкам эликсиры молодости.

— Дорогие коллеги! — начал он. — Мы собрались здесь в переломный момент истории. Натовские бомбы рвутся в сердце Европы. Конечно, всех нас волнует: когда же это кончится? Зал в ответ зашумел.

Зарянов поднял руку к потолку. Жест был рассчитан на дураков, но зрители заворожённо следили за его перстом.

— Я произвёл точнейшие астрологические расчёты, — похвастался доктор. — Операция НАТО захлебнётся через три недели. Югославия выстоит и нанесёт сокрушительный ответный удар по американской военной машине. Запомните мои слова: уже в начале июля наши братья сербы будут праздновать победу!

Зал одобрительно загудел. Я впал в изумление. Он это серьёзно?

— А теперь самый животрепещущий вопрос, — продолжил Зарянов, выдержав паузу. — Кто победит на выборах президента в следующем году у нас, в России?

В зале повисла напряжённая тишина.

— Я заявляю со всей ответственностью: Борис Николаевич пойдёт на третий срок следующей весной, вопреки постановлению Конституционного суда, — голос магистра зазвучал торжественно. — Положение Юпитера в его натальной карте гарантирует ему небывалую народную поддержку. Выборы-2000 он выиграет уже в первом туре.

Зал взорвался аплодисментами. Дама в первом ряду вскочила и принялась аплодировать стоя.

Я не планировал этого. Просто ноги сами заставили меня выйти на свет софитов. Я остановился в метре от Зарянова. И голос мой зазвучал громче, чем я ожидал:

— Это чушь!

Зарянов, повернувшись ко мне, побледнел. Микрофон в его руке дрогнул.

— Ельцин болен! — крикнул я. — Его рейтинг ниже плитуса, страна разваливается. Юпитер был в десятом доме, когда Ельцин стал президентом в девяносто первом. Сейчас Юпитер движется по Деве и подходит к шестому дому болезни. Ближе к концу года президент вообще не сможет исполнять свои обязанности. Вы просто говорите людям то, что они хотят услышать! Где доказательства? Где элементарная порядочность?

— Молодой человек, вы кто такой? — заорал на меня Зарянов.

— Я тот, кто считает, что астрология — это не цирк! — с достоинством ответил я.

Зал загудел. Кто-то засвистел. Я повернулся и пошёл к выходу, сопровождаемый шипением и возмущёнными взглядами. Кто-то крикнул мне вслед: «Провокатор!»

В фойе было пусто. Холодно. Я прислонился к стене и закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Зачем я сюда пришёл? Чтобы найти ответы на мучившие меня вопросы? У кого? У этих? Что эти люди в алых пиджаках могли открыть мне? Они такие же шарлатаны, как цыганки на вокзале.

— Молодой человек!

Голос был старческий, дребезжащий, но настойчивый. Я открыл глаза.

Какой-то старичок из зала ковылял ко мне через фойе, держа в руках облезлый портфель. На лацкане пиджака болтался бейдж: «Матвей Акакиевич Глыба. Астролог-консультант. Москва». Он шёл медленно, приволакивая ногу, но в глазах за толстыми стёклами горел живой, совсем не старческий интерес.

— Погорячились вы, батенька, самому Зарянову в глаза правду-матку сказать, — произнёс он, останавливаясь передо мной. — Но глаз у вас острый. Что есть, то есть. Как, впрочем, и ум. «Астрология — это не цирк!» Остроумно, батенька! Пойдёмте в буфет. Там тихо, можно спокойно пообщаться, и пирожки, говорят, ещё не разобрали.

— Пойдёмте, — согласился я.

В пустом (выступление людей, именующих себя «астрологами», продолжалось) буфете пахло подгоревшим кофе, мокрой одеждой и пирожками с капустой. Мы уселись за столик в самом углу, у окна. Глыба заказал два чая и две ватрушки, но ватрушек не оказалось, и он выбрал пирожки с капустой. Когда я полез в карман за мелочью, Глыба бешено замахал руками, мол, не надо, угощаю. Я вежливо кивнул.

— Матвей Акакиевич, — представился он, протягивая руку.

— Филипп Филиппович. Можете называть просто по имени, без отчества. Филипп.

Через минуту буфетчица принесла нам на подносе два пирожка и два стакана с чаем. Глыба откусил пирожок, прожевал, запил чаем. Посмотрел на меня поверх очков с толстыми линзами.

— Ох, и задали вы Зарянову, юноша! — Глыба хихикнул, опять припомнив мой недавний экспромт. — Вы явно пришли сюда не ради шоу. Вы что-то ищете. Правду?

Я посмотрел в окно. По стеклу ползла капля. Одна из многих, но именно эта капля почему-то привлекла моё внимание.

— Правду, — повторил я. — Слишком громкое слово для этого места.

— А вы не смотрите на место, — Глыба понизил голос. — Вы на людей смотрите. Думаете, Зарянов верит в то, что говорит?

— Почему же не верит? У него даже глаза горят.

— Глаза у него горят, потому что он вчера три консультации провёл по двести долларов каждая, — хмыкнул Глыба. — А вера — это роскошь. Зарянов — бизнесмен. Бизнесмены не верят, они считают.

— Так вы хотите сказать, что вся ваша астрология — это постановка?

— А вы не знали? — Глыба удивлённо приподнял бровь. — Вот вы Птолемея читали? «Тетрабиблос»?

Я утвердительно кивнул.

— Неплохо, юноша. Птолемея должен знать наизусть каждый, кто называет себя астрологом. Но Птолемей жил две тысячи лет назад. И знаете что? Он знал больше, чем все эти... — он махнул рукой в сторону зала, где продолжался симпозиум, — вместе взятые. Потому что он был учёным. А они — бизнесмены. Или клоуны. Или просто несчастные люди, которые пытаются заработать на хлеб.

— Бизнес? — переспросил я с недоумением. — Продавать людям надежду — это бизнес?

— А вы думаете, чем отличается бизнес от шарлатанства? — Глыба наклонился ещё ближе, его глаза за стёклами казались огромными. — Шарлатан обещает то, чего не может дать. Бизнесмен даёт то, за что заплатили. Клиент платит — ему говорят, что его ждёт повышение, любовь, здоровье. Клиент уходит счастливый. Он отдал деньги и получил надежду. Никто никого не обманывает. Транзакция. Капитализм с человеческим лицом. Бизнес и ничего личного, как в «Крёстном отце».

Я смотрел на него и не верил своим ушам. Этот человек, астролог с тридцатилетним стажем, которого я много раз видел на экране телевизора, сидел передо мной и спокойно, будто о погоде, рассказывал, что вся его профессия — фикция.

— Но как же... — начал я.

— Как же расчёты? Как же эфемериды? Как же дома, планеты, аспекты? — перебил Глыба. — Всё это работает. Примерно на три-пять процентов. Понимаете? Три-пять процентов от того, что должно быть. Остальное — интерпретация. Додумывание. Подгонка под клиента. Вы же видели, как Зарянов сегодня вещал. Красиво, уверенно, со ссылками на звёзды. А по факту — пшик. Через три недели НАТО не уйдёт из Югославии. И Ельцин на третий срок не пойдёт. Это мне подсказали не звёзды, а здравый смысл и логика. Но через год никто не вспомнит, что Зарянов здесь нёс. А новые клиенты к нему придут. Им же не важно, что было год назад. Им важно, что будет завтра. Им важно, что у Зарянова звание, титул, имидж...

Я молчал. В голове шумело сильнее, чем дождь за окном. Три процента. Пять. А если мои расчёты — как раз из тех процентов, на которые приходится фикция и вымысел? Если я разрушил свою семью всего лишь из-за статистической погрешности?

— Откуда вы знаете, что было больше? — спросил я, наконец. Голос прозвучал хрипло, чуждо. — Что эти три-пять процентов, которые известны Зарянову и его... коллегам — не все астрологические знания?

Глыба долго смотрел на меня. Потом снял очки, протёр их засаленной салфеткой, которую достал из кармана пиджака. Без очков его глаза оказались маленькими, колючими, совсем не старческими — в них горел острый, болезненный огонь.

— Было время, молодой человек, когда я тоже искал правду. Пытался понять, работает астрология или нет. Примерно лет сорок назад. Думал, вот сейчас открою тайну, научусь читать будущее по звёздам, как школьник читает букварь, и всё изменится. Буду будущее видеть, прогнозировать без ошибки. Докажу чёртовым физикам, что астрология работает. Слава, признание, уважение, почёт. Ради всего этого я и старался. Я объездил полстраны. В Москве в архивах искал. В Ленинграде. В Киеве. Даже в Тбилиси ездил, там один старик жил, говорили, знает древние грузинские рукописи по астрологии.

Он замолчал, уставился в окно. Я ждал.

— И знаете что? — продолжил он тихо. — Ничего. Обрывки. Фрагменты. Намёки. Есть древние тексты, где упоминается астрология как великая наука, равная математике. Есть упоминания, что жрецы в Египте умели вычислять судьбы с точностью до часа. Древним грекам до вторжения Филиппа Македонского была известна истина. Но самих методик нет. Исчезли. Сгорели в Александрийской библиотеке. Рассыпались в пыль в монастырях, когда церковь жгла языческие книги. Говорят, что греческие астрологи предсказали Филиппу скорую смерть, он расстроился и приказал запретить астрологию, а всех хранителей знаний — казнить. Так была утеряна истинная астрология. До нас дошли жалкие крохи. Три-пять процентов, как я и сказал. Всё, чем мы владеем — это осколки разбитого зеркала. Можно смотреть в один осколок, можно в другой, но целую картину не увидишь никогда.

— А тот старик в Тбилиси? — спросил я. — Он действительно что-то знал?

Глыба усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой.

— Он знал одно: как брать деньги с доверчивых идиотов. Я приехал к нему, молодой, полный надежд. Он принял меня в старом доме, с видом на Куру. Угостил чачей, вином, показал какие-то бумаги на грузинском. Я ничего не понял, но поверил. Отдал последние деньги за обучение. А через месяц узнал, что он таких, как я, по десять человек в год разводит. Умер он года через три. Богатый, говорят, был человек.

Он замолчал, уставившись в окно. Я смотрел на его профиль — острый нос, оттопыренные уши, седые волосы, торчащие из-за воротника пиджака. Обычный старик. Обычный неудачник, который когда-то тоже верил. Который тоже искал.

— И вы смирились? — спросил я тихо.

— Смирился? — Глыба усмехнулся. — Нет. Я просто перестал искать. Это разные вещи. Смириться — значит принять, что правды нет. А я знаю, что правда была. Была, понимаете? Кто-то когда-то знал всё. Просто это знание утеряно. Может быть, навсегда. Может быть, до следующего витка цивилизации, когда люди заново откроют то, что уже открывали до нас. А пока... — он кивнул в сторону зала, откуда доносились аплодисменты, — пока мы имеем то, что имеем. Трёхпроцентную астрологию для домохозяек. И Зарянова в алом пиджаке на сцене перед десятками доверчивых идиотов.

Я молчал. Перед глазами стояли Мария и Аркашка. Три процента? Я разрушил свою жизнь, свою семью — ради трёх процентов? В горле встал ком, захотелось закричать, ударить кулаком по столу. Но я сдержался.

— У вас есть что рассказать, — вдруг сказал Глыба. — Я вижу. У вас в глазах такая тоска, какая бывает только у людей, которые сделали непоправимое. Давайте. Выкладывайте. Мы здесь надолго, дождь не кончится, а я всё равно никуда не спешу. На свой доклад по Лунным Узлам я уже опоздал. Да и не велика потеря — всё равно там будет то же самое, что и в прошлом году. И в позапрошлом.

Я посмотрел на него. На этого странного старика, который только что разбил мою веру в астрологию, а теперь сидел и ждал моей исповеди. И почему-то я всё ему рассказал.

Я говорил долго, сбивчиво, глядя в остывающий чай. Про детдом. Про то, как выживал, как пробивался. Как удалось не спиться, не связаться с дурной компанией, а поступить в институт, получить высшее образование, найти работу в девяностые, стать программистом. Про встречу с Марией — случайную, в трамвае, когда она упала, и я подал ей руку. Про Аркашку, который родился и сразу стал смыслом моего существования. Про то, как попал под сокращение из-за кризиса прошлого года, а чтобы заработать, по совету жены стал изучать астрологию. Ещё год назад мне не было никакого дела до звёзд и планет. Но после сокращения я сидел дома, найти новую работу не получалось. Долги копились, да просто жрать было нечего. А по телевизору показывали сытых, холёных людей. Это были астрологи. Не хотел я тогда ничего этого знать, мне просто были нужны деньги. Маша тогда сама указала на одного из них, из астрологов на экране телевизора, и спросила меня, Филь, а чем ты хуже? Почему не можешь тему изучить и зарабатывать, как они? Сначала я решил, что жена шутит, но потом сходил в библиотеку и выгреб всё, что касалось астрологии. Постепенно, листая книгу за книгой, я вдруг понял, вернее, нутром почувал — вот оно. Настоящее. Инструмент, который даст ответы на все вопросы. Если звёзды могут предсказывать будущее, значит, я смогу защитить свою семью. Смогу предусмотреть все опасности.

Я рассказал, как полгода глотал книги по астрологии, не спал ночами, вычислял, сверял, перепроверял. Как построил, наконец, натальные карты — свою, Марии, Аркашки. И как увидел...

— Крест, — сказал я глухо. — Фиксированный крест. Четвёртый дом поражён, восьмой — провал в водном знаке. Вода и смерть. Для Аркадия. Болезнь (шестой дом) и смерть для Маши. А потом я понял, что если останусь, они погибнут. Чётко, неумолимо, как приговор.

Раньше, чем им суждено. Я не знал, как это работает, но числа не лгали. Я пересчитывал двадцать раз. Тридцать. Результат был один.

— И вы ушли из семьи.

— Я ушёл, чтобы их спасти. Осенью прошлого года. Собрал вещи и ушёл, пока они спали. Мария думает, что я просто сбежал. Что не выдержал семейной жизни. Аркашка... он ещё мал, тринадцать лет только должно исполниться в июле, он не понимает. Но когда-нибудь поймёт. А пока не понял, будет ненавидеть меня за предательство. Хотя это не предательство, а спасение.

Глыба слушал молча. Пирожок он доел, пока я рассказывал о непростом детстве в детском доме. Теперь он сидел неподвижно, и только глаза за толстыми стёклами поблёскивали. Руки его, в старческих пигментных пятнах, лежали на портфеле неподвижно.

— Вы верите, что спасли их, — проговорил он, наконец. — Это даёт вам силы жить дальше.

— Я не знаю, что мне даёт силы, — ответил я. — Я просто живу. Ночую в гараже у знакомого. Перебиваюсь случайными заработками. И учусь. Всё учусь, надеясь понять, не ошибся ли я, когда всё бросил и ушёл.

Глыба вздохнул. Так тяжело, будто поднял мешок с песком.

— А если я скажу вам, что вы действительно могли ошибиться? Что трёх процентов знаний недостаточно для таких кардинальных решений? Что крест в карте может означать не смерть, а испытание, которое вы должны были пройти вместе с вашей супругой и сыном?

Я посмотрел ему в глаза.

— Тогда я скажу, что вы жестокий человек, Матвей Акакиевич. Потому что если это так, то я зря разрушил свою жизнь. Зря! И мне нечем это исправить.

— Исправить нельзя, — тихо сказал Глыба. — Можно только идти дальше. Или остановиться. Но вы — я вижу — уже решили, что идёте дальше. Подождите-ка минутку...

Он полез в свой облезлый портфель, долго шарил там, перебирая бумаги, какие-то брошюры. Наконец извлёк потрёпанную записную книжку в кожаном переплёте, полистал, нашёл нужную страницу. Вырвал листок, что-то написал корявым, старческим почерком и протянул мне.

— Вот. Здесь имя и примерный адрес. Дмитрий Соломин. Живёт на острове Ягры, что в Северодвинске Архангельской области. Из Петербурга поезд ходит до Архангельска. А оттуда можно на автобусе добраться до Ягр. Говорят, этот Соломин знает больше, чем все тутошние астрологи, вместе взятые. Я сам его не видел, но люди ездили к нему. Возвращались... другими.

Я взял листок, посмотрел на каракули. «Дмитрий Соломин. Остров Ягры, Северодвинск». Бумага была мятая, с желтизной по краям.

— Зачем мне это?

— Чтобы найти ответы, — пожал плечами Глыба. — Вы же ищите правду. Вот и ищите. Если Соломин действительно хранит древнее знание, он либо примет вас, либо нет. Чтобы узнать точно, вам ничего не остаётся, кроме как просто купить билет на поезд и поехать в Северодвинск. Но просто сидеть здесь, в этом буфете или в том красивом зале, и слушать Зарянова или этих крашенных астрологинь, — это точно не приблизит вас к ответу. Дорогу осилит идущий, батенька.

Он встал, поправил пиджак, взял портфель. На секунду задержался, оперся рукой о стол.

— А мне пора. Скоро закрытие симпозиума, надо показаться на публике ещё раз, а то коллеги обидятся. Вы уж извините, Филипп, что не дал вам утешения. Не умею я утешать. Только правду говорю, какую знаю.

— Спасибо, — кивнул я. — За правду. И за пирожки.

Глыба усмехнулся, махнул рукой и заковылял к выходу из буфета. Я смотрел, как его худая фигура исчезает в дверном проёме. Потом перевёл взгляд на листок в руке.

Я остался один. Допил остывший чай, съел пирожок, ставший моим обедом и ужином в тот день, и вышел в фойе, раздумывая, что теперь делать. Слова Глыбы не давали мне покоя. Астролог по фамилии Соломин, который может знать секреты истинной астрологии. Это казалось невероятным. Сказкой, если не фарсом. Но что мне оставалось?

Я получил в гардеробе свою рваную куртку. Машинально поправил оторванный карман, проверил, что тетрадка никуда не пропала. И вышел на улицу. Дождь и не думал прекращаться. Синоптики опять ошиблись с прогнозом. Синоптики! Шарлатаны! Вот истинный астролог вам с лёгкостью предскажет будущее на десять лет вперёд и даже не устанет. Истинный астролог. Но есть ли такие в мире? Существуют ли они? Если есть, то только тот самый Соломин. На Яграх.

На крыльце Дворца культуры меня настиг звонкий голос:

— А, это вы!

Та самая девушка, что провела меня через сцену, стояла под козырьком, пытаясь раскрыть весёлый разноцветный зонтик, который всячески ей сопротивлялся.

— Вы круто его осадили! — сказала она с восторгом. — Я чуть с кресла не упала. Зарянов аж позеленел. А вы действительно астролог?

— Программист я, правда, теперь безработный, — буркнул я, но вспомнил о манерах и представился. — Филипп.

— А я Диана. Я здесь вообще случайно, подруга пригласила. Она работает в этом дворце. Можно без билета ходить на такие вот мероприятия. Удобно. Я вообще больше ролевые игры люблю. По Толкину. Мы каждое лето куда-нибудь ездим с друзьями, там фестивали устраиваем. Вот в этом году собираемся в Северодвинск, на Ягры. Там такие места — бор, море, красота! Кстати, может, и вы приедете? У нас весело, фестиваль, песни у костра, эльфы, гномы...

Она определённо произнесла название этого города. Северодвинск. Ягры. Совпадение? Как и все астрологические прогнозы, которые когда-либо сбывались. Или это Знак свыше?

— Я подумаю, — ответил я, показывая тоном, что разговор закончен.

— Обязательно приезжайте! — крикнула она мне вслед. — Там здорово!

Я кивнул, поднял воротник, сделал несколько шагов вниз по лестнице и слился с потоками ливня.

Добрался до гаража, закрыл за собой тяжёлую дверь. Развесил на спинке стула промокшую куртку. Достал справочник с таблицами эфемерид, лист бумаги. Зажёг единственную лампочку под потолком и принялся чертить куспиды домов и значки планет для хорарной карты. Вопрос был один: «Стоит ли мне ехать в Северодвинск?»

Через пятнадцать минут я завершил построение хорара и принялся за расшифровку. Интерпретация была однозначной: да, я найду ответы на свои вопросы, если отправлюсь в путь.

Главное — теперь я знал, что делать дальше. Куда следовать. На северо-восток. На берег Белого моря. В Северодвинск. На загадочный остров Ягры, где студенты притворяются эльфами и гномами. Где живёт всеведущий астролог Соломин.

Я сунул листок с адресом в карман и почувствовал, как что-то сдвинулось внутри. Точно стрелка компаса, наконец нашедшая север.

Глава 2. Дорога

На следующее утро я, собрав в тощий рюкзак скромные пожитки, приехал на Ладужский вокзал. Дождь кончился, но небо всё ещё висело низко, серое, тяжёлое, как крышка гроба. Где-то в городе, за спиной, оставалась моя прежняя жизнь — гараж, тетради, ночные бдения. А впереди зияла неизвестность, чёрная и глубокая, как колодец без дна.

В кармане оставалось триста сорок семь рублей. Я пересчитал их ещё раз, хотя знал каждую бумажку, каждую монету на ощупь. Триста сорок семь. Билет до Архангельска стоил двести восемьдесят. Я прошёл к кассе, выстоял небольшую очередь, купил плацкарт — тридцать шестое место, верхнее, у туалета. Кассирша в окошке скользнула по мне равнодушным взглядом, приняла деньги, швырнула билет и тотчас рявкнула: «Следующий!»

Я отошёл от кассы, вложил билет в паспорт, который спрятал в карман куртки. Посмотрел на огромные вокзальные часы — до отправления оставалось около часа. Я посетил платный туалет, оставив там четыре рубля, побродил по вокзалу, разглядывая ларьки с дешёвым шмотьём, киоски с прессой, где газета «Спид-инфо» соседствовала с «Аргументами и фактами». Взял с прилавка газету, полистал — всё те же новости: Югославия, бомбёжки продолжают, Ельцин болен, но активен, поменял Примакова на Степашина, доллар растёт. Положил обратно. Денег на газету не было.

Купил две пачки «Примы» за три рубля — курить в дороге придётся много. Зажигалка у меня была, старая, заправленная в прошлом году. Прошёл на перрон.

Поезд стоял у четвёртой платформы, длинный, зелёный, обшарпанный, как старый солдат, прошедший не одну войну. Девяностые выели краску с вагонов так же старательно, как выедали душу из людей. Вагоны были старые, ещё советские, с надписями «Москва — Ленинград», которые кто-то замазал, но буквы всё равно проступали сквозь краску, как шрамы, как память, которую не закрасить и не забыть. Я закурил в последний раз перед посадкой, наблюдая, как носильщики таскают баулы, как бабки торгуют пирожками, как пьяный мужик пытается приставать к проводнице — лезет с дурацкими шутками, а она отмахивается, устало и привычно, как от надоевшей мухи. Обычный вокзал. Обычная жизнь. Обычное дерьмо.

Я докурил, раздавил окурочок каблуком и побрёл к своему вагону. Проводница — женщина лет сорока, с усталыми глазами и вечно недовольным выражением лица — проверила билет, коротко кивнула и бросила:

— Тридцать шестое место, налево, до конца вагона, верх.

И тут же отвернулась к следующему пассажиру, давая понять, что аудиенция окончена.

В тамбуре пахло свежестью и железом. Я прошёл через весь вагон, лавируя между немногочисленными пассажирами и их скарбом. До отправления оставалось около получаса — не все пассажиры успели добраться до вагона. Нашёл своё место — действительно у туалета, запах чувствовался даже через закрытую дверь, терпкий, химический, с кисловатой ноткой. Закинул тощий рюкзак на верхнюю полку и опустил у окна на нижнюю. Хорошо, что внизу пока никого нет, можно посидеть по-человечески, не забираясь под самый потолок, где воздух спёртый и душный.

Напротив меня уже расположилась старуха. Маленькая, сухонькая, в платке и ярком платье в цветочек — такие платья я помнил ещё по детдому, их носили нянечки и уборщицы, выцветшие, но весёлые, словно вызов серости казённых стен. Рядом с ней на полу стояла тележка — не современная челночная, на колёсиках, а из тех, старых, на каких возят картошку с огорода. Такие тележки делали ещё в семидесятые — сварная конструкция из труб, колёса от детской коляски, всё скрипит и дребезжит, но держится, потому что сделано на совесть. На тележке вместо деревянного ящика, набитого картофелем, была закреплена выдавшая виды сумка — дерматиновая, с облезлыми углами, но ещё крепкая.

Старуха сидела смиренно, сложив руки на коленях, и глядела в окно с тем выражением спокойной отрешённости, которое бывает только у людей, проживших долгую жизнь и научившихся ждать. Лицо у неё было морщинистое, коричневое от загара или от возраста, глазницы глубокие, а глаза светлые, почти бесцветные, но живые, с хитринкой, с огоньком, который никакие годы не погасили.

— Молодой человек, — вдруг обратилась она ко мне скрипучим голосом, похожим на скрип несмазанной двери. — Помоги-ка, будь добр. Тележку на третью полку надо закинуть, а у самой сил нет. Под нижнюю полку она не влазит, коряга проклятая.

Я кивнул, поднялся, взялся за тележку. Дёрнул. Поднял. Тяжёлая, зараза. Набита, видимо, под завязку. Но чем? Уж не кирпичами ли? Пока закидывал на верхнюю багажную полку, чуть не сорвал спину, но справился, ни разу не выругавшись. Задвинул поглубже, чтобы не свалилась вниз, когда вагон тряхнёт на стрелках.

— Спасибо, сынок, — старуха улыбнулась щербатым ртом, и улыбка эта преобразила её морщинистое лицо, сделав его почти молодым. — Садись, чай будешь?

— Спасибо, не хочу, — буркнул я, плюхаясь обратно на сиденье. От натуги немного кружилась голова.

До отправления поезда оставалось минут двадцать. По платформе за окном бегали из стороны в сторону представители самых разных социальных и возрастных групп. Кто-то провожал знакомых, кто-то сам спешил на поезд.

Старуха какое-то время разглядывала меня так, как смотрят люди, прожившие долгую жизнь и видевшие всякое. Потом достала из-под столика авоську, вытащила из неё свёрток в газете, развернула. В свёртке блеснула фольга. Запахло домашней курицей, жареной с луком. Я не ел со вчерашнего дня. Во рту моментально собралась слюна.

— На, — старуха протянула мне куриную ножку. — Ешь. Вижу же, голодный. Вон глаза как у волка горят.

Я хотел отказаться. Гордость, воспитание — всё это шевелилось где-то внутри, пытаюсь поднять голову. Но рука сама потянулась. Откусил. Ещё тёплая, сочная, с хрустящей корочкой. Господи, как же давно я не ел ничего домашнего.

— Спасибо, — выговорил я с набитым ртом, чувствуя, как глаза начинают предательски щипать.

— Баба Зина меня зовут, — представилась старуха, довольно наблюдая, как я жую. — А ты кто таков будешь?

— Филипп.

— И куда путь держишь, Филипп?

— В Архангельск.

— На родину Михайло Ломоносова, стало быть. Дела али родня?

— Дела.

Она усмехнулась — понимающе, без насмешки — но расспрашивать не стала. Достала вторую ножку, принялась жевать её, уставившись в окно.

Молчать было неловко. Я спросил, чтобы хоть что-то сказать:

— А вы куда путь держите, баба Зина?

— К внуку, в Вологодской области живёт, — ответила она, не отрывая взгляда от окна. — Второй год не виделись. А он не едет ко мне, всё работа, работа. Вот и пришлось самой в путь-дорогу собраться.

— А сами откуда?

— Из-под Брянска я родом. Деревня наша маленькая, сто душ всего. Доживаю век. Огород, куры, корова. Всё сама, всё сама.

— Брянск? Вы, наверное, и оккупацию застали? — прикинул я.

Она оживилась, глаза заблестели:

— Ещё бы! Мне, когда фрицы пришли, ещё и восемнадцати не исполнилось. Я же с двадцать пятого года, пятого июля... Матушка покойная хорошо время рождения запомнила... в пять, тридцать пять. Как стишок. Ну, о чём это я? Да. Пришли фрицы, значит, что мне оставалось делать? Ушла в наши брянские леса, в партизаны. Слыхал про такое?

— Слыхал, — осторожно ответил я.

— Да ты не смотри, что я мелкая, — она даже привстала, показывая, какая она боевая. — Я уже в сорок первом состав под откос пустила. Лично. Сама. Немцы перебрасывали подкрепление на фронт, а я им — бах! И весь эшелон вверх тормашками. Ух! Ты не представляешь, Филипп, сколько грохоту было!

Я слушал и вежливо кивал. В нашем детдоме таких рассказчиков было полно. Приходили в гости, рассказывали о войне. Каждый второй дед воевал, каждый третий — брал Берлин. Врали все, конечно. Кто от скуки, кто от старости, кто просто так, чтобы значимость себе придать.

— А скольких немцев застрелила лично — и не скажу теперь, — продолжала баба Зина, раззадориваясь. — Сотню, наверное. А может, и больше. Я не считала. Не до счёту было.

— Сотню? — переспросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— А ты думал! — она даже обиделась, нахмурилась. — Я из винтовки, знаешь, как стреляла? Снайпер была. В левом глазу бельмо, а правый — орлиный. За сто метров в густом лесу что белке, что фрицу в глаз — и не моргну.

Я отвернулся к окну, чтобы она не видела моей усмешки.

В это время в наш отсек заглянул парень лет двадцати пяти, крепкий, широкоплечий, с короткой стрижкой и квадратной челюстью. Одет просто: спортивные штаны, растянутая футболка, поверх — кожаная куртка, потёртая на локтях. В руках — большой спортивный баул с надписью «Adidas». Он оглядел купе, кивнул мне, бабе Зине, попросил меня встать, поднял нижнюю полку, запихал под неё баул, опустил полку и уселся сверху, положив руки на колени.

— Семён, — представился он, протягивая мне руку. — Багров.

— Филипп. Не возражаешь, если я посижу здесь?

— Без проблем, Филипп. Сиди. Всё равно спать не собираюсь пока.

Рукопожатие было крепким, сухим, без лишнего усердия. Спортсмен, определил я. Может, боксёр, может, борец. Или просто качок. Такие часто шли в охрану или в рэкет — деньги зарабатывать.

— Куда путь держишь, Семён? — спросила баба Зина, с интересом разглядывая нового попутчика.

— В Северодвинск, — ответил он. — Возвращаюсь из Питера, из командировки. Сам я детдомовский. А в Северодвинске у меня родственник живёт. Дальний. Дядька двоюродный. Старый он уже. Совсем плох стал. Чудить начал. Глаз да глаз за ним нужен. Вот и еду помочь по хозяйству, если что.

— Дело хорошее, — одобрила баба Зина. — Стариков уважать надо. Это сейчас молодёжь разучилась, а раньше...

Она не закончила, потому что вагон со скрипом дёрнулся, платформа Ладожского вокзала поплыла куда-то в сторону. За окном провожающие принялись усиленно махать руками тем, кто был в поезде.

В нашем отсеке словно бы из воздуха материализовалось любопытное девичье личико. Мы троём смотрели в окно и вздрогнули от неожиданности, когда поняли, что нас стало четверо.

— Ой, чуть не опоздала! Здравствуйте! — голос показался внезапно знакомым. — Моё место верхнее. Тридцать четвёртое. Если молодой человек, конечно, не поменяется со мной...

Девушка. Длинные русые волосы, заплетённые в косу, на руке — тонкая серебряная фенечка. Рюкзак за спиной, из которого торчал свёрнутый в трубку коврик и гитарный гриф. Я узнал её. Та самая, что провела меня через сцену на симпозиуме.

— Диана?

Она вопросительно посмотрела на меня, на секунду замерла, потом лицо её озарилось улыбкой.

— А, это вы! Филипп. Тот самый астролог, который Зарянова осадил! Здорово! А вы тоже в Северодвинск едете?

— Выходит, что так.

— Здорово! Вы к нам? На фестиваль толкинистов? Надумали? — затараторила она, не дожидаясь ответа. — В этом году мы, как следует, зажжём! Приходите! Будет весело! Толкин, эльфы, гномы, всё по-настоящему! Бабушка! Здравствуйте! Можно я рядом с вами присяду?

— Садись, девонька, — баба Зина подвинулась, освобождая место рядом с собой. — Места всем хватает.

Диана втиснулась на полку, ловко закинув рюкзак наверх, на полку, что над бабой Зиной. От неё пахло цветочным шампунем и молодостью — таким запахом, от которого вдруг остро захотелось вернуться назад, в ту жизнь, которая осталась в Питере, где была Маша, Аркашка, нормальная квартира, а не гараж с единственной лампочкой.

— Филипп, если вы на фестиваль решили попасть, так я вам там всё расскажу и покажу, — Диане явно хотелось поболтать.

— Не на фестиваль, — пробурчал я. — По делу. Человека одного ищу.

— Какого человека?

— Астролога. Дмитрия Соломина. Мне его Матвей Глыба порекомендовал.

Диана хлопнула глазами:

— Глыба? Ух ты! Ну, если сам Глыба лично порекомендовал, значит, этот Соломин действительно чего-то стоит, как астролог. А он что, в Северодвинске живёт?

— Говорят, там, — ответил я, не желая вдаваться в подробности.

— Филипп, а вы верите в астрологию? — продолжала донимать меня вопросами Диана, не обращая внимания на моё желание помолчать. — Ну, что звёзды реально на судьбу человека влияют?

— А ты веришь?

— Не знаю даже, — она пожала плечами. — Мне ближе мир Толкина. Там всё проще: есть добро, есть зло, есть Средиземье, и каждый выбирает сам, на чьей он стороне. А звёзды... ну, они красивые. На них приятно смотреть, особенно на полянке в лесу, когда костёр горит. Но чтобы они что-то решали... не знаю.

— Звёзды, планеты — это чушь собачья, — подала голос баба Зина. — Я всю жизнь прожила без них, и ничего, не померла. А эти... — она кивнула на меня, — только людям головы морочат. Вот ты, Филипп, скажи: зачем тебе эта астрология? На хлеб заработать али душу спасти?

— Правду хочу узнать, — ответил я, не думая. — Есть вещи, которые не объяснишь просто так. Я хочу понять, как это работает. Если работает.

— А если не работает?

— Тогда я зря полгода жизни потратил, — усмехнулся я. — И не только полгода. Больше...

Баба Зина посмотрела на меня внимательно, но ничего не сказала. Только покачала головой и снова уставилась в окно.

Семён открыл заранее извлечённую из баула бутылку минералки, отхлебнул, протянул мне:

— Будешь?

— Спасибо, не хочу.

— Филипп, если астрология для тебя всего лишь хобби, чем на жизнь зарабатываешь? — спросил он, убирая бутылку.

— Программистом... зарабатывал, но сейчас без работы. Под сокращение попал. Кризис в девяносто восьмом.

— Бывает, — Семён кивнул с пониманием. — У нас на заводе тоже сокращения в прошлом году были. Меня начальство тоже не пощадило — сократили. Сейчас вот работаю тренером в спортивном зале. Деньги платят, невеликие, но жить можно. Иногда выхожу таксистом на подработку.

— А где служил? — спросил я, заметив выправку.

— ВДВ, — коротко ответил он. — Срочную. А потом дембель, и — гражданка. Но форму не забыл.

Он улыбнулся, но улыбка была какая-то невесёлая. Я не стал расспрашивать дальше.

Диана тем временем достала из рюкзака книгу — «Сильмариллион» в мягкой потрёпанной обложке.

— Обожаю книги профессора, — она прижала книгу к груди. — Я с пятнадцати лет в ролевиках. «Галадриель» меня наши кличут. Сначала в Питере, потом по области, а теперь вот на Ягры позвали. Говорят, там места невероятные. Бор, море, сосны. Как Лотлориэн. Вы читали «Властелин колец»?

— Читал. Давно, ещё в институте, — со вздохом ответил я.

— А кого вы больше любите: эльфов или гномов?

— Людей, — я грустно улыбнулся.

— Эх вы, — Диана вздохнула, но без обиды. — Ладно, приедете на фестиваль, я вам покажу, что такое настоящая ролевая игра. Может, и сами захотите в эльфа переодеться.

— Вряд ли, — усмехнулся я.

— А почему вы ушли из семьи? — Диана внезапно поменяла тему.

Я посмотрел на неё с удивлением. Глаза у неё были ясные, незамутнённые, с такой детской прямоотой, что невозможно было обидеться.

— С чего ты взяла, что я ушёл?

— Вы говорите так, будто что-то потеряли, — она пожала плечами. — Я таких людей иногда встречаю. Они всегда ищут что-то, чего не могут найти. Или кого-то.

— Девонька, не лезь ты в душу человеку, — осадила её баба Зина. — Не всё рассказывают. И не всё надо знать посторонним.

— Я просто спросила, — смутилась Диана. — Извините, если что не так.

— Ничего, — сказал я. — Ты права. Я ушёл. Из семьи. Думал, что так будет лучше. Для них. Теперь не уверен.

— А вы не пробовали вернуться? — спросила она тихо.

— Пробовал. Не получилось.

Больше она не спрашивала. Открыла книгу, уткнулась в неё, но читала, кажется, не очень внимательно — часто поднимала глаза и смотрела в окно, где плыли леса, болота, редкие деревеньки.

Семён слушал наш разговор молча, иногда поглядывая на меня с каким-то странным выражением. Не то чтобы с сочувствием — скорее с пониманием человека, который тоже что-то потерял и теперь не знает, как жить дальше.

Вечером мы пили чай — баба Зина достала заварной чайник, кружки, сахар в розовой сахарнице с отбитым краем. Семён купил у проводницы печенье, Диана выложила на стол домашние ватрушки, от которых до сих пор пахло дрожжами и корицей.

— Ну, Филипп, расскажи нам про звёзды, — поддела меня баба Зина, когда мы расселись вокруг столика. — Может, убедишь старуху, что твоя астрология работает.

— Не убедишь вас, — усмехнулся я. — Вы уже всё для себя решили.

— Решила. Но послушать интересно. Молодёжь-то вон хочет. Ждёт.

Диана кивнула с энтузиазмом. Семён пожал плечами, но возражать не стал.

— Астрология — это не гадание на кофейной гуще, — начал я. — Это система. Наука! У неё есть правила, расчёты, эфемериды — таблицы движения планет. В основе — принцип: как наверху, так и внизу. То, что происходит на небе, отражается на земле. Не потому что звёзды управляют, а потому что всё в мире взаимосвязано. Циклы планет совпадают с циклами человеческой жизни.

— Ну-ну, — баба Зина сложила руки на груди.

— Возьмите хотя бы Сатурн, — продолжил я. — Его цикл — двадцать девять с половиной лет. Примерно в этом возрасте у людей случаются кризисы. Переоценка ценностей. Кто-то разводится, кто-то меняет работу, кто-то впадает в депрессию. Это не потому, что Сатурн на них влияет, а потому, что ритм природы таков. И астрология этот ритм отслеживает. Нужно только составить натальную карту человеку, и он весь перед тобой, как на ладони.

— А мне карту такую составить сможешь? — спросила баба Зина.

— Попробую.

Она уже называла мне дату и время рождения. Но я успел позабыть. Ничего. Баба Зина повторила. Я достал из рюкзака справочник эфемерид, линейку, карандаш, лист бумаги. Семён и Диана с интересом наблюдали, как я черчу круги, отмечаю дома, вписываю планеты, подчёркиваю аспекты.

— Много времени надо? — спросила баба Зина, поглядывая на часы.

— Минут двадцать, не больше.

Я работал, не поднимая головы. Солнце в Раке, Луна в Скорпионе, Меркурий во Льве, Венера в Деве... Марс в соединении с асцендентом. Потом дома. Десятый дом в Овне — карьера военного, солдата. Управитель — Марс. Во Льве. Ярко, сильно, воинственно. В двенадцатом доме тайн — скопление планет: Луна, Венера, Юпитер. Партизанщина, скрытая война, жизнь в лесах, во вражеском окружении.

— Ну что там? — поторопила баба Зина.

— Сейчас, — я прочертил последний аспект.

Квадрат Марса к Сатурну. Почти точный. Жёсткий, болезненный. Смерть на своей земле.

— Вы воевали, — сказал я, глядя на карту. — Не сто немцев убили, возможно, но много. И не просто воевали — были в партизанах, как и говорили. Марс на асценденте, планеты в двенадцатом доме тайн, куспид десятого дома в Овне. Это карта воина. Карта человека, который скрывается, но наносит удары из тени. Который прошёл через смерть и не сломался.

Баба Зина молчала. Смотрела на меня долго, пристально. Потом перевела взгляд на бумажку, испещрённую значками, и покачала головой.

— Откуда знаешь? — спросила она тихо. — Мне никто не верит. Думают, бабка выдумывает. А ты... откуда?

— Звёзды сказали, — усмехнулся я.

— Звёзды, — она вздохнула, и в этом вздохе было что-то новое, чего я не слышал раньше. Не насмешка, не презрение — что-то похожее на уважение. Или на сожаление. — Может, и правда есть в них что-то, ёшкин кот. Но всё равно не верю. Не хочу верить. Потому что если звёзды всё решают, тогда зачем я старалась? Зачем воевала, детей растила, огород копала? Выходит, не я, а они всё за меня решили? Не-е, Филипп. Не уговаривай. Не работает эта твоя... астрология. А то что ты мне тут насчитал — совпадение.

— Я и не уговариваю, — развёл я руками. — Я просто показываю, что вижу.

— Ну и ладно, — она отвернулась к окну. — Ладно.

Диана смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Это правда работает? — спросила она шёпотом.

— Работает, — ответил я. — Не всегда так, как мы хотим. Но работает.

Семён молчал, но я видел, что он тоже задумался. Не о звёздах, может быть, о чём-то своём.

Баба Зина вышла ночью. Я проснулся от того, что поезд замедлил ход, за окном мелькнули огни какой-то станции. Она уже стояла у выхода, собранная, с тележкой, с той самой сумкой, которая ещё утром казалась неподъёмной. Как ей удалось спустить вниз тележку, которая мне казалась неподъёмной?

— Спи, Филипп, — сказала она, заметив, что я проснулся. — Мне пора. Внук встретит на станции.

— Баба Зина...

— Ты главное, — перебила она, — не сдавайся. Упрямый ты, как я. Это хорошо. А звёзды эти... Тьфу на них! Понял?

— Понял.

Она ушла, а я остался лежать на верхней полке, глядя в потолок. Слышал, как хлопнула дверь тамбура, как поезд снова тронулся. Уснул.

Утром, спустившись вниз, я нашёл на столике свёрток: два варёных яйца, огурец, помидор. И записку, вырванную из тетрадки в клеточку, корявым старческим почерком, с нажимом, продавливающим бумагу:

«Филипп. Не слушай ты эти звёзды. Своей головой думай. Баба Зина».

Я усмехнулся, спрятал записку в карман и уселся на полке, которую занимала баба Зина.

После Вологды в вагоне стало просторнее. Диана спала на верхней полке, свернувшись калачиком, коса свесилась вниз, почти касаясь моего плеча. Семён сидел у окна, глядя на проплывающие сосны.

— Ты в Северодвинск надолго? — спросил он после паузы.

— Не знаю. Пока не найду этого Соломина.

— Может, мне помочь тебе его найти? — он повернулся ко мне. — Я всё равно буду на своей «копейке» в такси работать, по городу буду людей возить, могу аккуратно поспрашивать. Может, кто знает его.

— Поможешь?

— А почему нет? — он пожал плечами. — Дело доброе. Авось зачтётся потом. Да и интересно мне, что за человек у нас в бору живёт и звёзды считает. Там же одни лисы и белки бегают. Или я чего-то не знаю. Может, он и мне что-нибудь расскажет интересного. Лихо ты бабе Зине всю подноготную выдал. Партизанка! А так ведь и не скажешь!

Я посмотрел на него. Лицо у Семёна было спокойное, открытое. Ни тени насмешки, ни снисхождения. Просто — человек, который хочет помочь. Или просто человек, который ищет свою дорогу и надеется, что на ней встретятся другие люди, тоже ищущие.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Не за что пока.

Через час мы пили чай втроём — я, Семён и Диана, которая проснулась, спустилась вниз и сразу принялась трещать, не умолкая ни на минуту.

— Вы обязательно приходите к нам на фестиваль! — говорила она, жуя печенье. — Мы будем в дюнах строить Хельмову Впадину. Оборону выстроим, как в книге! Семён, ты же спортсмен, тебе бы в гвардейцы Гондора пойти! А вы, Филипп... вы бы в волшебники пошли. Вы же астролог, почти как Гэндальф!

— Гэндальф был маг, а не астролог, — усмехнулся я.

— А какая разница? Всё равно — волшебство!

Я не стал спорить.

Поезд прибыл в Архангельск, когда день уже катился к вечеру. Солнце ещё стояло высоко, но уже не грело, только светило каким-то боковым, скользящим светом. Я вышел на перрон и замер.

Здесь всё было по-другому.

Небо — пронзительно-синее, какого я никогда не видел в Питере. Там небо всегда серое, мутное, с низкими тучами. А здесь оно висело высоко-высоко, чистое, прозрачное, будто промытое северными ветрами до самого дна. И солнце — яркое, но холодное, без тепла, как декорация.

Я стоял на перроне и смотрел в это небо. Минуту, две, пять. Люди обходили меня, кто-то толкнул, извинился, я не обратил внимания.

— Ну, что застыл? — Семён хлопнул меня по плечу. — Автовокзал рядом.

Диана уже бежала куда-то вперёд по перрону. Её рюкзак и гитара в чехле болтались на спине.

Автовокзал оказался в пяти минутах ходьбы. Небольшое здание, обшарпанное, с вывеской, где буквы облупились так, что читалось только «...вто... зал». Я купил билет до Северодвинска — сорок три рубля. Семён и Диана последовали моему примеру.

Автобус подали через десять минут. Новенький «ПАЗик», даже пахло ещё краской и пластиком. Мы сели: я у окна, Семён рядом, Диана на соседнем сиденье, сразу за водителем. Она всю дорогу вещала без умолку — про фестиваль, про своих друзей-ролевиков, про то, как они в прошлом году жгли чучело Голлума, и как один парень чуть не спалил при этом лес.

— Слухи пошли, что американцы решили экранизировать «Властелин колец». Слышали? — спросила.

— Слышали.

— Испортят ведь всё к чертям?

— Возможно...

Она хотела спросить что-то ещё, но я отвернулся к окну и рассматривал улицы Архангельска. Дома, люди, магазины. Всё как везде, только больше деревянных построек, старых, ещё дореволюционных, с резными наличниками и покосившимися крышами. И небо — это небо не спутать ни с чем.

Автобус вскоре проехал по большому железнодорожному мосту через Северную Двину. Река была широкая, серая, с холодным свинцовым блеском, медленная, как время в этих краях. Я увидел недалеко речной вокзал. Корабли и баржи. Где-то там, дальше, справа, Белое море. Совсем близко.

За мостом началась трасса — битый асфальт, ямы, выбоины, колдобины, которые сотрясали автобус до самых основ. Автобус подсакивал на ухабах, трясло так, что зуб на зуб не попадал, и казалось, что вот-вот новенький ПАЗ развалится на болты и гайки. Вдоль дороги тянулись чахлые деревья, которые часто уступали место заболоченным лугам с жухлой прошлогодней травой. Кое-где я видел пасущихся на лугах коров — худых, лохматых, с облезлыми боками, равнодушных к миру, жующих светло-зелёную недавно проступившую травку.

Иногда автобус останавливался в посёлках с чудными названиями вроде Леденец или Цигломень. Люди заходили и выходили. Я сидел, смотрел в окно и ждал. Семён объяснил, что ехать недолго — около часа.

Внезапно автобус, взвизгнув тормозами, остановился.

— Рикасеха! — крикнул водитель в салон. — Проверка документов. Приготовьте паспорта, пропуска, регистрации.

Пропуска? Я удивлённо посмотрел на Семёна.

В автобус через заднюю дверь вошли двое в форме. Молодой и постарше, с усами, с глубокими морщинами на лбу. Они прошли по салону, собирая документы, просматривая, возвращая. Подошли ко мне.

— Ваши документы.

Я протянул паспорт. Военный полистал, посмотрел на меня, на фотографию.

— Пропуск?

— Нет.

Он перевёл взгляд на Семёна.

— Ваши.

Семён протянул паспорт. Военный полистал, нахмурился.

— Вы местный. А ваш товарищ без пропуска?

— Он со мной, командир, — попытался объяснить Семён. — В гости едет... из Питера.

— Почему пропуск официально не оформили? — проверяющий, игнорируя Семёна, снова обратился ко мне.

— Не успел...

— Гражданин Туров, выходите из автобуса. С вещами.

Диана испуганно смотрела на меня.

— А я? — спросила она.

— У вас есть пропуск? — обратился к ней военный.

— Да, вот, — она протянула какую-то бумажку.

Военный пробежал взглядом по бумаге, вернул документ и кивнул.

— Вы можете ехать дальше. А гражданин Туров.. с вещами на выход.

— Но он же с нами едет... — начала Диана.

— Займите своё место, девушка, — оборвал её военный. — Это не ваше дело.

Я вышел из автобуса. Меня подвели к «буханке» — УАЗу с тонированными стёклами. Сзади хлопнула дверца автобуса, «ПАЗик» заурчал и тронулся. Диана смотрела на меня из окна, прижав ладонь к стеклу.

— Не волнуйся, всё будет нормально! — крикнул я ей вслед, показывая большой палец.

Она, кажется, меня не услышала, но увидела жест и закивала.

— Садитесь, — сказал военный, открывая дверцу «буханки».

— Куда мы едем? — спросил я.

— В Северодвинск. Для выяснения обстоятельств.

Я занял место в кузове машины. Внутри было темно и пахло бензином, соляжкой и потом. Дверца захлопнулась, лязгнув замок. «Буханка» завелась, тронулась. Я глядел в маленькое зарешеченное окошко, за которым проплывали северные сосны.

В кармане лежала записка бабы Зины: «Своей головой думай». И адрес Соломина, который я пока не выбросил. Хотя какой это был адрес? Ни номера дома, ни улицы. Название острова, на котором, как мне успел поведать в поезде Семён, живёт несколько тысяч человек.

За маленьким зарешеченным окошком проплывали северные сосны. Рыжие стволы, зелёные кроны, серое небо. Потом я увидел парус. Стальной парус. Потом ещё один. Третий. И ещё несколько. Попробовал сосчитать, но не преуспел. Деревья уступили место промышленным постройкам, трубам, цехам. Северодвинск.

Машина тряслась на ухабах, унося меня в неизвестность. Я закрыл глаза и попытался вспомнить лицо Аркашки. Не получалось. Оно расплывалось, как круги на воде, как пятно, которое пытаешься рассмотреть, но не можешь. Помнил только, как он смеялся — звонко, заливисто, когда я подкидывал его в воздух, и он взлетал выше моей головы, раскинув руки, как птица.

— Ничего, сынок, — прошептал я в темноту. — Я найду правду. Для тебя найду. Или сдохну. Другого не дано.

Глава 3. Допрос

В кабинете воняло грязными носками. Этот запах — кислый, въедливый, с нотками давно не стираной формы, застарелого пота и дешёвого табака — казалось, пропитал здесь всё: стены, стол, дырявый дерматин на стульях, даже пыльные шторы на окнах. Я смотрел в окно, сидя на жёстком стуле перед пустым столом, и запястья ныли от наручников — защёлкнули слишком туго, на грани боли, будто специально, чтобы не расслаблялся ни на секунду. Металл впивался в кожу при каждом неосторожном движении, и под ним уже образовалась пульсирующая ссадина.

За моей спиной, у двери, замер конвоир. Я не видел его лица, но слышал дыхание — ровное, спокойное, размеренное, как у спящего зверя, — и чувствовал взгляд между лопаток. Тяжёлый, давящий, словно он сверлил во мне дыру, буравил позвоночник, выскивая слабое место.

Сколько я здесь просидел? Минут двадцать? Сорок? Час? Часы на стене — огромные, казённые, с белым циферблатом и чёрными стрелками, которые дёргались рывками, будто их кто-то подталкивал, — показывали половину одиннадцатого вечера. Но за окном был день. Самый настоящий день — серый, северный, но день. Солнце, огромное и бледное, как прожектор в операционной, висело низко над крышами и, казалось, даже не думало заходить. Белая ночь. Точнее — белый день, круглые сутки. Я читал про такое в книжках, но чтобы увидеть своими глазами...

В Питере тоже бывают белые ночи, но там они — ночи. Сумерки, свет, который не гаснет до утра, но всё же это ночь. А здесь — день, который не кончается. Солнце бродит по горизонту по кругу, словно привязанное на верёвке, практически не опускаясь за край земли. В час ночи можно читать книгу на улице без фонаря, различать буквы даже на самой выпуклой обложке. И от этого чувство реальности сползло куда-то в сторону, как бетонная плита на зыбучем песке. Я поймал себя на мысли, что не понимаю, утро сейчас или вечер. Время потеряло смысл, растворилось в этом бесконечном, немигающем свете.

Я попробовал пошевелить руками. Запястья отозвались острой болью. Наручники звякнули — сухо, металлически, как предупреждение. Конвоир за спиной кашлянул, коротко и выразительно, давая понять, что он здесь, не дремлет и всё слышит.

Дверь открылась с протяжным скрипом, похожим на стон.

Я повернул голову, пытаюсь разглядеть вошедшего. Это оказался человек в милицейской форме. Капитан, судя по погонам — две маленькие звёздочки на просветах, тусклые, потёртые. Средних лет, усталое лицо с глубокими морщинами, мешки под глазами, короткая стрижка с обильной сединой на висках, словно иней припорошил. В руке — папка, тонкая, картонная, с потёртыми тесёмками. Он опустился за стол, даже не взглянув на меня, раскрыл папку, надел очки в простой металлической оправе. Кивнул конвоиру, и тот почти мгновенно снял с моих рук наручники и вышел, бесшумно притворив дверь.

Я потёр запястья. Кожа была красная, воспалённая, с чёткими следами металла. Хорошо хоть не стёрли до крови.

— Туров Филипп Филиппович? — прочитал он вслух, будто проверял правильность написания на слух и сразу же представился сам: — Кузнецов Артём Иванович, дежурный следователь.

Я растерянно моргнул. Кузнецов продолжил изучать документы.

— Тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения. Ленинград. Детдом... — он поднял на меня глаза. — Семья есть?

— Жена, сын, — ответил я, продолжая растирать запястья. Голос сел, пришлось откашляться. В горле пересохло, язык прилипал к нёбу, будто наждачный.

— Адрес проживания?

Я назвал. Питерский, старый, квартирка в Купчино, где мы жили с Машей и Аркашкой. Девятиэтажка из серого бетона, лифт, который вечно ломался и пах мочой, детская площадка во дворе с ржавыми качелями и разбитой песочницей. Капитан кивнул, раскрыл тощую папку, заглянул в бумаги. Шелест страниц показался оглушительным в тишине кабинета, каждый вздох — громом.

— Не совпадает, — произнёс он спокойно, без эмоций, будто констатировал погоду за окном. — По нашим данным, вы по этому адресу не проживаете более полугода. Где живёте сейчас?

Я промолчал. Откуда ему это известно?

— Гражданин Туров, я задал вопрос, — голос капитана оставался ровным, почти скучающим, но в нём проступила сталь. — Где вы проживаете в настоящий момент?

— В гараже, — выдавил я, глядя на столешницу. — У знакомого. На улице Суслова.

Капитан записал. Не моргнув глазом, будто каждый день слышал, что взрослые мужики живут в гаражах. Шариковая ручка скрипела по бумаге, оставляя синие, чуть расплывающиеся строчки.

— Место работы?

— Нет постоянного.

— Чем зарабатываете на жизнь?

— Случайными заработками, подработкой. Грузчиком, сторожем. В последнее время — на рынке, помогал разгружать фуры. Мешки таскал, ящики.

Он кивнул, отложил ручку, снял очки и посмотрел на меня в упор. Глаза у него оказались светлые, водянистые, но цепкие — такие глаза бывают у людей, которые привыкли видеть ложь за версту, у охотников, у следователей со стажем. Он смотрел, не мигая, изучающе, и я поймал себя на желании отвести взгляд, спрятаться. Сдержался, хотя под ложечкой засосало от напряжения.

— Объясните, гражданин Туров, — произнёс он тихо, почти доверительно, склонив голову к плечу, — что вы делаете в Северодвинске. Пока продолжается военная операция НАТО в Югославии, это закрытое административно-территориальное образование. Въезд без специального пропуска или местной прописки запрещён. Вы задержаны на посту ГАИ в Рикасике. Ваши документы оформлены ненадлежащим образом. Объясните цель вашего визита.

Я сглотнул. В горле пересохло окончательно, язык превратился в наждачную бумагу. Сказать правду? Не сказать? Что он подумает, если я начну нести про астрологию, про звёзды, про спасение сына? Отправит в психушку — и дело с концом. Или решит, что я шпион с дурацкой легендой. Или сектант, готовящий теракт. Или просто сумасшедший, сбежавший из больницы.

— Жду, — напомнил капитан. В голосе появились металлические нотки, как у натянутой струны.

— В гости, — выпалил я. — К другу.

— Фамилия, имя, адрес друга?

— Соломин. Дмитрий Соломин. Он живёт на острове Ягры.

Капитан кивнул, открыл папку, полистал. Достал какой-то список, пробежал пальцем, потом ещё один, с длинными колонками фамилий. Нахмурился. На лбу капитана прорезалась глубокая складка, перерезавшая морщины до самой переносицы.

— Соломин, — повторил он, будто пробуя фамилию на вкус. — Адрес?

— Я не знаю точно. Просто Ягры. Мне сказали, что на Яграх живёт. И всё.

— Имя-отчество полностью? Год рождения.

— Дмитрий. Отчества не знаю. Пенсионер, вроде. Старше меня, наверное. Должен быть старше. Но сам я его никогда не видел.

Капитан отложил список, посмотрел на меня долгим взглядом. Потом нажал кнопку селектора. Старый советский аппарат противно загудел, как потревоженный улей.

— Лейтенант Вересов, зайдите.

Через полминуты в кабинет вошёл молодой офицер, подтянутый, с папкой под мышкой. Форма сидела на нём идеально, ботинки начищены до зеркального блеска, волосы коротко стрижены, подворотничок безупречно белый. Он остановился у моего стула, щёлкнул каблучками.

— Слушаю, товарищ капитан.

— Наведите справки по учёту. Соломин Дмитрий, предположительно, остров Ягры. Возраст — любой. Ориентировочно пенсионный. Мне нужен полный адрес и данные. Быстро и тихо.

— Есть, — лейтенант козырнул и вышел, притворив дверь за собой. Дверь закрылась бесшумно, с мягким, почти ласковым щелчком.

Капитан снова уставился на меня. Я не выдержал, отвёл взгляд и посмотрел в окно, за которым светило солнце. Почти двадцать три часа — и солнце. Безумие какое-то. В Питере сейчас давно уже ночь, фонари горят, редкие прохожие спешат по домам, люди спят, а здесь...

— Белой ночью любуетесь? — вдруг участливо спросил капитан. Голос его стал чуть мягче, почти человеческий, потерял казённую жёсткость. — У нас тут с середины мая по конец июля солнце не заходит. Точнее, заходит, но ненадолго и не до конца. На западе скроется, а на севере почти сразу поднимается. На севере, а не на востоке, как обычно. Привыкнуть надо. Местные уже не замечают, а приезжие первое время с ума сходят. Спать не могут, время путают, ходят как сомнамбулы.

Я кивнул. Не знал, что ответить.

Открылась дверь. Вернулся Вересов с новым списком фамилий и адресов — длинным, исписанным убористым почерком. Передал капитану и вышел, бросив на меня короткий любопытный взгляд — такой бывает у зоологов, разглядывающих неопознанный экземпляр.

— Курите? — спросил капитан, не глядя на бумаги.

— Курю.

Он протянул мне пачку «Петра I», прикурил сам, дал прикурить мне. Я затынулся — голова слегка закружилась, перед глазами поплыли жёлтые круги. Давление упало от голода, бессонницы и непрерывного напряжения. Табак показался необыкновенно вкусным — или просто давно не курил. В гараже курил постоянно, каждые полчаса, а тут несколько часов без сигареты, без возможности согнать стресс никотином.

— Туров, — произнёс капитан, задумчиво разглядывая дым, поднимающийся к потолку. Дым тянулся медленно, лениво, смешиваясь с запахом носков, сворачиваясь в причудливые спирали. — Филипп Филиппович. Вы хоть понимаете, куда попали? Северодвинск — это не морской курорт, хотя есть у нас и море и песочек. Это центр атомного судостроения. «Севмаш», «Звёздочка». Подводные лодки, стратегические ракетноносцы. А вы — безработный из Ленинграда, без определённых занятий, без внятной цели, без регистрации... — он перечислил это всё спокойно, будто читал вслух мою характеристику, написанную кем-то со стороны. — И при этом называете имя человека, которого, судя по всему, не существует.

Я поднял голову. Сердце пропустило удар, потом забилось чаще, гулко отдаваясь в висках.

— В смысле — не существует?

— В прямом. Соломин Дмитрий с острова Ягры. У нас в городе нет такого. Вообще нет. Ни в паспортном столе, ни в военкомате, ни в адресном бюро.

— Не может быть, — вырвалось у меня. — Мне сказали...

— Кто сказал? — перебил капитан. В глазах мелькнул острый интерес, как у рыбака, почувствовавшего поклёвку.

Я замолчал. Опять эта проклятая пауза. Опять выбор — врать или сказать правду. Я сжал в пальцах сигарету, чувствуя, как дрожит рука, как мелко трясутся пальцы, сжимающие фильтр.

— В Питере, — начал я медленно, подбирая слова, будто шёл по минному полю. — На симпозиуме астрологов. Один старик. Матвей Акакиевич Глыба. Астролог из Москвы. Он сказал, что Соломин живёт на Яграх и что он знает...

Я запнулся. Капитан ждал, не сводя с меня глаз. Затянулся, выпустил дым, аккуратно стряхнул пепел в пепельницу.

— Что знает?

— Правду, — выдохнул я, чувствуя, как с этим словом уходит последнее сопротивление. — Про звёзды. Древние методики астрологии. Я увлекаюсь изучением астрологии. Полгода изучаю, ночи не сплю, книги читаю, таблицы составляю... Я думал, Соломин мне поможет понять... ответить на те вопросы, которые меня беспокоят.

— Какие вопросы?

Я замялся. Как объяснить человеку в милицейской форме, который сидит передо мной с сигаретой и смотрит с холодным, профессиональным подозрением, что меня мучает не система домов и не орбиты аспектов? Что всё это — только ширма, за которой прячется главное?

— Разные, — ответил я уклончиво. — Из области астрологии. Какую систему домов использовать, какой орбиты аспектов стоит учитывать, какая планета управляет Овном... всё это не даёт мне уснуть уже почти год. Понимаете, капитан?

Капитан смотрел на меня так, будто я сказал, что прилетел с Марса на ковре-самолёте. Потом медленно откинулся на спинку стула, затянулся, выпустил дым в потолок, наблюдая, как тот расползается серым облаком.

— Астролог, значит, — повторил он. — Глыба, говорите?

— Да.

— Адрес его знаете?

— Не знаю. Он из Москвы. Там знаменит, по крайней мере, в своих кругах. Даже свои прогнозы по телевидению зачитывает, когда приглашают. И на симпозиуме должен был выступать. Бейджик на нём был: «Москва, астролог-консультант». Я не запомнил точнее, — я помолчал и спросил с замиранием сердца: — Товарищ капитан, а Дмитрия Соломина точно нет в Северодвинске?

Следователь посмотрел на меня тяжёлым взглядом, словно гадая, не дурачусь ли я, не разыгрываю ли спектакль. Покачав головой, он ответил. В голосе его появились усталые нотки — видимо, разговор начинал его утомлять.

— Проверили по всем учётам. Паспортный стол, военкомат, ЖЭКи, даже адресное бюро за период с восьмидесятого года. Соломин Дмитрий на острове Ягры не значится. Никогда не значился. Есть трое Соломиных в Северодвинске, в центре, но все с другими инициалами, все работают на «Севмаше», живут в городе, на Яграх не прописаны. Возраст — до сорока лет. Пенсионеров по фамилии Соломин в городе вообще нет. Абсолютно. Как корова языком слизала.

У меня внутри всё оборвалось. Рука с сигаретой опустилась на колено, повисла плетью. Я смотрел на капитана, на лейтенанта Вересова, который стоял у двери, на листок бумаги, который капитан вертел в пальцах, и не верил.

— Этого не может быть, — произнёс я вслух. Голос прозвучал глухо, будто из бочки, из глубокого колодца. — Глыба сказал... он точно сказал: Дмитрий Соломин, остров Ягры, Северодвинск. Он даже написал мне на листке бумаги! Своей рукой! Я помню эти каракули, эти дрожащие буквы.

— Где этот листок? — быстро спросил капитан, подавшись вперёд. — Быстро, Туров, вспоминайте. Это важно.

— В кармане. В куртке. Когда забирали, он был в кармане куртки. Я его туда положил и больше не доставал.

Капитан кивнул Вересову. Тот вышел. Я слышал, как за дверью зазвучали голоса, шаги, потом какой-то шум, короткий разговор. Потом всё стихло, и тишина стала давить на уши.

Капитан молча курил, глядя куда-то на потолок, на выцветшую известку. Дым вился вокруг тусклой лампы, создавая причудливые, постоянно меняющиеся узоры. Я сидел, сжимая и разжимая пальцы. Костяшки хрустели, суставы ныли.

Глыба обманул? Старик с толстыми линзами, который поил меня чаем в буфете, который слушал мою историю про Аркашку, про крест, про смерть, который сказал: «Поезжайте, поищите правду»... он меня обманул? Зачем? Какой ему смысл? Просто позабавиться над доверчивым дураком, над детдомовским выскочкой? Или...

Дверь снова открылась. Вересов вошёл, держа в руках мою куртку — старую, болоньевую, с оторванным карманом, засаленную на воротнике. Протянул капитану. Тот вытряхнул содержимое на стол.

Пачка «Примы» почти пустая, смятая, с тремя сигаретами внутри. Старая потёртая зажигалка, на которой уже стёрлась краска. Смятый билет на автобус. И листок, вырванный из блокнота, с корявыми каракулями Глыбы.

Капитан взял листок, поднёс к глазам, прочитал вслух медленно, по слогам:

— Дмитрий Соломин, остров Ягры, Северодвинск. — Он перевернул листок, посмотрел на обратную сторону, на просвет, будто искал тайные знаки. — Почерк старческий, дрожащий. Бумага мятая, с желтизной. На вид — обычная записка. Ничего секретного.

Он положил листок на стол, придавил пальцем, чтобы не сдуло.

— Хорошо, Туров. Допустим, этот Глыба существует. Допустим, он дал вам адрес и фамилию. Но адрес — липовый. Тут даже нет названия улицы, нет номера дома. Вы хоть представляете себе, сколько улиц и домов у нас на Яграх? Да и человека такого нет. Вопрос: зачем он это сделал? Что ему от вас было нужно?

— Я не знаю, — честно ответил я, глядя в столешницу. — Может, он ошибся? Перепутал город? Или остров?

— Перепутал? — капитан усмехнулся, и усмешка вышла жёсткой, невесёлой. — Имя, фамилию, город, остров — всё перепутал? Слабовато верится, гражданин Туров. Слабовато.

— Я не знаю, — повторил я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Может, это проверка была?

— Какая проверка? — капитан наклонился вперёд, положив локти на стол, и его лицо оказалось совсем близко. — Кто вас проверяет? И зачем?

Я молчал. Что я мог ответить? Что меня проверяют какие-то тайные силы? Что звёзды свели меня с этим стариком? Что я сам не понимаю, что происходит?

Капитан бросил взгляд на часы, которые показывали за полночь, и снова посмотрел на меня. Взгляд его изменился — стал не просто служебным, выжидательным, а каким-то... человеческим, что ли. Он словно решал что-то для себя, взвешивал на внутренних весах.

— Ну что, Туров. Либо ваш Глыба — шутник и фантазёр, либо вы сами сочинили эту историю, а листок подделали. Либо... — он помолчал, давая повиснуть тишине. — Либо это легенда, которую вы отработываете. А на самом деле вы здесь совсем за другим. За тем, о чём говорить не хотите.

Я покачал головой. Медленно, устало, чувствуя, как тяжелеют веки.

— Я не шпион, — произнёс я тихо, но твёрдо, глядя ему прямо в глаза. — И не сектант. И не националист. Я — никто. Просто человек, который ищет правду. Глупо, наверное, звучит, да?

— Правду, — усмехнулся капитан, откидываясь на спинку стула. — Все ищут правду. Только почему-то те, кто её ищет, чаще всего оказываются либо дураками, либо врагами

Родины. Третьего, как говорится, не дано. Это я вам по своему многолетнему опыту говорю. Третьего не бывает.

Он встал, подошёл к окну. За окном светило солнце — огромное, бледное, немигающее. Капитан стоял, заложив руки за спину, и смотрел на улицу. Плечи его были опущены, в фигуре чувствовалась тяжёлая, многолетняя усталость.

— У нас война, Туров, — произнёс он негромко, не оборачиваясь. — Не здесь, конечно, но рядом. Натовские бомбы разносят в щепки дружественную Югославию, наши братья сербы гибнут, а американцы только и ждут, чтобы развалить Россию до основания. И вы приезжаете в закрытый город, к человеку, которого не существует, с историей про астрологию. Вы понимаете, как это выглядит со стороны? Как это читается?

— Я понимаю, — ответил я, чувствуя, как тяжесть его слов ложится на плечи. — Но это правда. Вся правда, какая есть.

— Правда, — повторил капитан. Он повернулся ко мне, и в его светлых глазах мелькнуло что-то похожее на жалость. — Ладно. Допустим, я поверю. Допустим, вы действительно чокнутый астролог, который бросил семью и поехал за тридевять земель искать древние знания. Но у меня есть факты: вы живёте в гараже, работы нет, связей нет, денег нет. Вы оторваны от общества. Вы — идеальный кандидат для вербовки. И называете фамилию — Соломин. Человек, которого не существует. — Он помолчал, потом добавил, словно пробуя на прочность: — А может, вы связаны с сектантами? С теми, кто конец света ждёт? Слышали про Белое братство? В девяносто шестом в Северодвинске был случай, одна группа активно действовала. Бритые головы, кожаные куртки, странные знаки на руках... Может, вы из этих?

— Да не из этих я! — выкрикнул я, не выдержав, чувствуя, как внутри всё закипает, как рвётся наружу то, что копилось месяцами. — Я сына и жену спасаю! Я в карте натальной увидел, что они погибнут, если я рядом останусь! Я ушёл, чтобы их с женой не подставить под удар судьбы! А теперь... — голос мой сорвался, превратился в хрип. Я замолчал, глотая воздух, пытаюсь справиться с комом, вставшим в горле. Глаза защипало.

Капитан смотрел на меня долго. Очень долго. Потом медленно подошёл к столу, сел, достал новую сигарету, закурил. Протянул пачку мне.

— На, — произнёс он устало, с какой-то отеческой интонацией. — Кури. И рассказывай всё сначала. Только без истерики. По порядку. С самого начала. От и до.

Я взял сигарету. Руки дрожали, но я справился, прикурил от его зажигалки. Затянулся. Выдохнул дым в сторону, чтобы не дымить в лицо капитану. Голова немного прояснилась, туман рассеялся.

— С чего начать?

— С детдома, — сказал капитан. — И до того момента, как вы сели в автобус до Северодвинска. Всё, что помните. Время у нас есть. Солнце вон никуда сегодня не торопится, — он усмехнулся собственным словам, кивнув на окно. — Так что и вы не спешите. Говорите обстоятельно, не торопясь.

Я посмотрел в окно. Солнце стояло над крышами, огромное, бледное, ненастоящее, как декорация. Где-то там, за этим светом, были звёзды. Те самые, которые привели меня сюда. Которые, может быть, всё знали про меня заранее.

Или не знали ничего.

Я начал рассказывать. Сначала сбивчиво, глотая слова, потом ровнее, размереннее. Капитан слушал, не перебивая, только изредка делал пометки в блокноте. Шариковая ручка скрипела по бумаге, и этот звук успокаивал, придавал разговору какую-то обыденность, будто мы не на допросе сидели, а просто беседовали за жизнь в тесной кухне.

Я рассказал про то, что не помню и не знаю своих родителей. Рассказал про детдом — серые коридоры, казённые кровати с железными спинками, общие завтраки, когда кашу приходилось есть быстро, пока не отобрали. Про воспитательниц — разных, от злых до равно-

душных, от равнодушных до жестоких. Про то, как в четырнадцать лет сбегал, но вернули, наказали, поставили на учёт в инспекции. Про то, как выучился на токаря, пошёл на завод, а сам параллельно учился на заочном на программиста, по ночам сидел над учебниками. Про встречу с Машей в трамвае — она упала, я подал руку, и мир перевернулся. Про то, как любил её — сразу, навсегда, как в книгах пишут, как в кино показывают. Про Аркашку...

Потом про кризис, про сокращение на заводе, про то, как метался в поисках работы, как Маша посоветовала стать астрологом, чтобы семью прокормить. Как нашёл книгу по астрологии на книжном развале у метро, как прочитал её и... поверил. Про таблицы, про расчёты, про бессонные ночи. И про тот момент, когда построил карту Аркашки и увидел крест. Фиксированный крест. Марс в четвёртом доме. Сатурн в восьмом в Рыбах. Квадрат. Вода. Смерть.

Капитан слушал молча. Когда я дошёл до того, как ушёл из дома ночью, пока они спали, он нахмурился, но ничего не сказал. Только кивнул, мол, продолжай.

Я рассказывал про полгода в гараже у знакомого, про отчаяние, про то, как перечитывал книги, пытаюсь найти ошибку в своих расчётах, но ошибки не находил. Про симпозиум, на который я пошёл, чтобы выспросить какого-нибудь именитого астролога о том, насколько правдив мой прогноз. Про Зарянова в алом пиджаке на сцене, про Глыбу в буфете. Про разговор, про пирожки с капустой. И про то, как Глыба дал мне адрес Соломина. Про поезд, про бабу Зину, про Семёна, про Диану.

Когда я закончил, в кабинете повисла тишина. Капитан сидел, глядя в свои записи, водил пальцем по строчкам. Потом отложил ручку, снял очки, протёр глаза двумя пальцами.

— Хорошая история, Туров, — произнёс он, наконец. — Почти роман. Можно в журнале печатать. Только вот Соломина нет. Не существует в природе. И что мне с вами делать?

— Не знаю, — ответил я, чувствуя, как силы покидают меня. — Отпустите?

— Отпустить? — он усмехнулся, но усмешка вышла беззлойной, усталой. — Вы нарушили режим въезда. Формально — административное нарушение, штраф. Но я могу и задержать на трое суток для выяснения обстоятельств. А могу и передать в ФСБ. Там с вашей историей про астрологию быстро разберутся. И про звёзды, и про кресты.

Я промолчал. Сказать было нечего. Всё, что можно, я уже сказал.

Капитан посмотрел на часы. Стрелки показывали начало второго.

— Ладно. Посидите пока у нас. Я подумаю. Да и куда вы ночью пойдёте? Всё равно сейчас на Ягры не попадёте — автобус до утра не ходит. Ночную «единицу» обещают пустить, но обещанного три года ждут. Особенно в Северодвинске.

Усмехнувшись, он нажал кнопку селектора. Вошёл конвоир.

— Уведите. В третью камеру. Покормить.

Конвоир кивнул, надел на меня наручники — на этот раз свободнее, почти не больно — и вывел в коридор.

Одинокaя камера оказалась небольшой, метра четыре на три, не больше. Железная дверь с зарешечённым глазком, под потолком лампа в толстой металлической клетке, у стены — топчан, застеленный тонким, выцветшим матрасом. Окно было — маленькое, под самым потолком, с частой решёткой, в которую не пролезет и кошка. За ним светило солнце. То же самое, что и час назад. Или два. Или три. Я потерял счёт времени.

Меня завели, сняли наручники, дверь лязгнула — тяжёлый, окончательный звук. Шаги удалились по коридору и стихли.

Я сел на топчан, обвёл взглядом камеру. Голые стены, выкрашенные зелёной масляной краской до середины, выше — белая известка, местами облупившаяся. На стене какие-то надписи — старые, выцарапанные ногтем или гвоздём: «Иван 97», «Свободу политзаключённым», «Колян был здесь», неприличный рисунок, покрашенный поверху краской, но настойчиво пробивавшийся на всеобщее обозрение. На полу — цемент, серый, холодный, с мелкими трещинами.

Подошёл к окну. Встал на цыпочки, ухватился за решётку, подтянулся. Увидел кусок неба — бледно-голубого, с редкими, неподвижными облаками, и угол какого-то кирпичного здания с тёмными окнами. Всё то же солнце. Безумное, никогда не засыпающее, немигающее солнце.

Спустился, сел на топчан. В карманах пусто — всё забрали. Только сигаретный запах остался на одежде, ввевшийся в ткань.

Мысли в голове крутились, как белка в колесе, как заезженная пластинка. Глыба. Соломин. Зачем? Почему? Что это было — ошибка, розыгрыш, проверка? Или старик сам стал жертвой чьего-то обмана? Может, ему кто-то сказал про Соломина, а он поверил, не проверил? Или он нарочно отправил меня в этот тупик, чтобы я... чтобы я что?

Я лёг на топчан, уставился в потолок. Там, на потолке, было пятно — сырость, наверное, или давняя протечка. В форме карты Африки. Или нет — в форме креста.

Крест. Фиксированный крест в карте Аркашки. Марс в четвёртом доме. Сатурн в восьмом. Рыбы. Водный знак. Смерть через воду? Смерть в воде? Смерть, которая связана с водой? И я, который должен был уйти, чтобы спасти их.

А может, я просто сошёл с ума? Может, никакого креста не было, а было только моё воображение, разогретое книгами и одиночеством, раздутое до размеров катастрофы? Может, я сам придумал себе трагедию, чтобы оправдать свой уход? Чтобы не признаваться себе, что не выдержал обычной семейной жизни, что сбежал от проблем, от ответственности, от скуки?

Я закрыл глаза. Перед внутренним взором возникло лицо Аркашки. Таким, каким я запомнил его в последний раз — спящим, беззаботным, с разбросанными по подушке тёмными волосами. Он уже становился взрослым — голос ломался, под носом пробивался пушок, плечи разворачивались. Маша говорила: «Скоро догонит тебя ростом». А я ушёл.

Глаза защипало. Я перевернулся на бок, поджал ноги, свернулся калачиком, и уснул — тяжело, без снов, провалившись в чёрную, глухую пустоту.

Проснулся я оттого, что в коридоре загремели ключи. Дверь, скрипнув протяжно, как несмазанная телега, открылась. Вошёл конвоир — другой, молодой, с круглым лицом и россыпью веснушек на носу, с добродушной, почти мальчишеской физиономией.

— Выходи, — бросил он, кивнув в сторону коридора. — Капитан зовёт. Живо.

Я поднялся, вышел в коридор. Наручники снова надели — видимо, процедура, от которой не уйти.

В кабинете всё было по-прежнему. Тот же запах носков и табака, те же часы на стене, которые теперь показывали восемь утра. Капитан сидел за столом, перед ним стояла тарелка с супом и ломоть хлеба.

— Садись, — кивнул он на стул. — Ешь давай. Завтрак. Подкрепись.

Я сел. Суп был горячий, щи с мясом, настоящие, домашние — или так показалось после долгого голода. Хлеб чёрный, свежий, с хрустящей корочкой. Я ел медленно, стараясь не чавкать, но руки дрожали, ложка стучала о края тарелки, выдавая напряжение. Капитан смотрел в окно, курил, пуская дым в форточку.

— Значит, так, Туров, — произнёс он, когда я доел и отодвинул тарелку. — Я решил. Отпускаю тебя.

Я поднял голову.

— Как?

— Обыкновенно. Наручники снимут, выведут, и иди куда хочешь. Дело об административном правонарушении я закрываю. Штраф платить не надо — и так денег нет, — он усмехнулся, покачал головой. — Только учти: в Северодвинске тебе делать нечего. Пропуска нет, прописки нет. Задержат снова — тогда уже по-настоящему. В ФСБ сдадут. Там твои истории про звёзды быстро проверят. И не так вежливо, как я.

— А как же... — начал я, чувствуя, как в груди поднимается тупая боль. — А Соломин?

— Нет Соломина, — отрезал капитан жёстко, не оставляя места для споров. — Я тебе уже сказал. Нет, и не было. Забудь. Уезжай из Северодвинска, пока тебя выпускают. Возвращайся в Санкт-Петербург. К семье. К жене. Проси прощения. Сына расти. Живи, как все. Радуйся жизни. Она одна, Туров, не будет другой такой больше. Это тебе не кино. Второго дубля не дадут.

Я молчал. Возвращаться? К Маше? После того, что я сделал? После полугода молчания, после того, как я просто исчез, как в воду канул? Что я ей скажу? «Прости, я ошибся, звёзды обманули»? Она же пошлёт меня. И правильно сделает. И будет права.

— Не хочешь? — капитан внимательно смотрел на меня, прищурившись. — Боишься?

— Не знаю, — честно ответил я, чувствуя, как пустота разливается внутри. — Не знаю, смогу ли.

Он вздохнул. Полез в ящик стола, достал какую-то бумагу, протянул мне.

— Вот. Это справка о том, что ты был задержан и отпущен. С печатью и с моей подписью. Пригодится. Если ещё раз остановят — покажешь, может, не будут так донимать.

Он нажал кнопку селектора.

— Вересов, проводить гражданина Турова на выход. Документы вернуть. И личные вещи.

Через десять минут я стоял на улице. Солнце висело всё там же, низко и упрямо, сдвинувшись теперь к востоку, но не потеряв своей бледной, немигающей силы.

В кармане лежала справка с печатью, паспорт и мелочь, которую мне вернули вместе с паспортом. И смятая пачка «Примы». И записка Глыбы — её тоже вернули, как не имеющую доказательной ценности.

Мимо меня по чистому тротуару шагали пешеходы — редкие, заспанные, кто-то шёл на работу, кто-то куда-то ещё. Я остановил мужчину средних лет в очках, с портфелем, извинился, спросил, в какой стороне автобусная остановка, мне надо было попасть на Ягры.

— Это тебе, парень, вон в ту сторону, — сказал он, показывая пальцем, куда идти. — Наискосок два квартала пройдёшь. Там остановка будет. Сядешь на «единичку». Она тебя на твои Ягры и привезёт. После моста выйдешь. И будет тебе счастье.

Глава 4. Митяй

Справка капитана Кузнецова с жирной синей печатью и размашистой подписью грела душу, но совершенно не грела карман. Двадцать три рубля плюс жалкая мелочь, позвякивавшая в куртке при каждом шаге, — этого даже на полноценный обед не хватит, не говоря уже об обратном билете до Питера. Я совершенно забыл спросить у Кузнецова, сколько стоит проезд в городском транспорте в Северодвинске.

Огромное, неестественно бледное солнце по-прежнему висело над унылыми крышами, словно приклеенное к выцветшему небу. Этот бесконечный, немигающий свет давил на психику, стирал границы между утром, днём и вечером, превращая время в тягучую, бесконечную резину.

Мимо прошла сонная женщина с авоськой, полной пустых стеклянных бутылок, зевнула, прикрывая рот ладонью. Какой-то помятый мужик в засаленной спецовке тащил ржавый велосипед, позёвывая и матерясь себе под нос. Ненормальный город. Ненормальный, бесконечный день, в котором не зажигаются фонари и не наступает спасительная темнота.

Я вспомнил слова случайного прохожего: «На „единичке“ до Ягр доедешь». Где-то там, вопреки словам капитана Кузнецова, должен жить астролог Дмитрий Соломин. Если этого таинственного мудреца действительно не существует, если Глыба ошибся или намеренно обманул меня, то там, на этом далёком острове, я смогу хотя бы просто постоять на пустынном берегу Белого моря. Молча посмотреть на тяжёлую, свинцовую воду. Хорошенько подумать. Может быть, это и есть цель моей поездки на край земли — просто постоять на краю сырой, холодной земли и решить, что же делать дальше с этой разбитой жизнью.

Зашагал в указанном направлении — наискосок. Дорога вела мимо старых, унылых двухэтажных барачков. Деревянные, тёмно-зелёного цвета, почерневшие от времени и северной сырости, они сиротливо жались друг к другу. Резные наличники кое-где ещё держались на гнилых гвоздях, но краска с них давно облупилась, обнажив серую, трухлявую древесину. Окна были заклеены крест-накрест газетной бумагой, чтобы тепло не выдувало сквозняками. Где-то заливисто лаяла собака, где-то пронзительно плакал ребёнок. Обычное, неприглядное утро в спальном районе.

Через несколько минут я вышел из поросшего молодой травой двора к перекрёстку. Проезжая часть была абсолютно пуста — ни одной машины, ни одного пешехода. Только резкий, порывистый ветер гонял по асфальту обрывки старых газет и пустые пачки из-под сигарет. Я машинально посмотрел налево, потом направо. Ни души. Дождавшись, когда светофор позеленеет, я шагнул на проезжую часть.

И тотчас же дикий визг тормозов взорвал утреннюю тишину, как выстрел в ночи.

Я даже не успел испугаться. Не успел повернуть голову. Удар пришёлся в левый бок, чудовищной силы, от которой я мгновенно перестал чувствовать собственное тело. Мир кувыркнулся — серый асфальт, белесое небо, солнце, алая крыша автомобиля — всё смешалось в стремительной карусели. Я перелетел через капот, больно чиркнул спиной по крыше и с глухим стуком приземлился по другую сторону железного монстра.

Ноги подкосились, я упал на колени, упёрся дрожащими руками в холодный асфальт. В голове гудело, перед глазами расплывались разноцветные круги. Но я был жив. Я был невероятно, невысказанно жив и, кажется, даже цел. Я провёл дрожащей рукой по лицу — крови нет. Чудо. Настоящее чудо, которое случается раз на миллион, когда пьяный водитель сбивает такого же пьяного пешехода. Только я был абсолютно трезв. А вот от машины разило спиртным так, что за версту мухи дохли, как от самого ядреного дихлофоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.